

Коллин
Маккалоу

Colleen
McCullough

*THE PRODIGAL
SON*

Коллин Маккалоу

*Блудный
сын*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111.1-31(94)
ББК 84(8Авс)6-44
М15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough
THE PRODIGAL SON

Перевод с английского *И. Чусовитиной*

Серийное оформление *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
InkWell Management и Synopsis Literary Agency.

Маккалоу, Колин.

М15 Блудный сын : [роман] / Колин Маккалоу ; [пер. с англ. И. Л. Чусовитиной]. – Москва : Издательство АСТ, 2015. – 384 с. – (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-090463-1

У супругов Джима и Милли, кажется, есть все: успех, слава, деньги, признание. Доктор Джим Хантер – известный биохимик и автор бестселлера, вознесшего его на вершины популярности. Его жена Милли – тоже ученый и занимается исследованием редких ядов.

Однако благополучие Хантеров вызывает жгучую ревность и зависть окружающих. Однажды кто-то крадет сильнейший яд из лаборатории Милли, и... вскоре происходит двойное убийство с использованием этой отравы.

Теперь капитан Дельмонико во что бы то ни стало должен вычислить преступника, прежде чем тот найдет новую жертву...

УДК 821.111.1-31(94)
ББК 84(8Авс)6-44

© Colleen McCullough, 2012
© Перевод. И. Л. Чусовитина, 2015
ISBN 978-5-17-090463-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ПРОЛОГ

3 января 1969 года, пятница

С 19:30 до 23:30

Окутываемый струйками пара от выдыхаемого воздуха, Джон Холл неуверенно коснулся пальцем дверного звонка и с силой нажал. Прозвучавшие вступительные аккорды Пятой симфонии Бетховена повергли его в шок: он был не готов заподозрить своего доселе неизвестного отца и его семью в подобной безвкусице. Дверь распахнулась, и миниатюрная служанка помогла ему избавиться от пальто и перчаток. Следом за ней возникла молодая и красивая женщина. Отпихнув служанку, она распахнула объятия и воскликнула:

— Дорогой наш, душечка Джон! — Ее пухлые губы мазнули его по щеке. — Джон успел отвернуться. — Я Давина, твоя мачеха. — Она стиснула его правую руку. — Пожалуйста, пойдём, познакомимся со всеми. Коннектикут показался тебе холодным после Орегона?

Джон не отвечал, так как был слишком взбудоражен приемом и этой почти лихорадочной болтовней молодой женщины — его мачехи? Да она ведь моложе его самого! — и ее явным акцентом. Давина... Естественно, отец упоминал о ней в тех нескольких телефонных разговорах, но Джон тогда и представить не мог, что она окажется молоденькой смазливой пустышкой. Темноволосая кукла, одетая по последней моде: шелковый брючный костюм, расписанный вручную всеми оттенками

красного, волосы цвета темного шоколада, свободно ниспадающие на спину, гладкая мраморная кожа, пухлые алые губы и ярко-голубые глаза.

— Это была моя идея — представить тебя семье на вечеринке по случаю дня рождения Макса, — продолжала она, явно не спеша знакомить с окружающими.

В уродливой, но по-современному обставленной комнате было пока немного гостей.

— Шестьдесят! — не смолкала Давина на своем правильно поставленном английском. — Разве это не замечательно? Отец буквально только что рожденного младенца и одновременно отец, нашедший давно утраченного сына! Я и мысли не могла допустить, чтобы вы с Максом встретились при менее значительных обстоятельствах, чем сегодня вечером, когда все вокруг выглядят наилучшим образом.

— Так значит, смокинг — твоя идея? — спросил Джон с легким раздражением.

Его укол не достиг цели: мачеха лишь рассмеялась и встряхнула волосами.

— Конечно же, дорогой Джон. Я обожаю мужчин в смокингах, к тому же для нас, женщин, это лишний повод принарядиться.

В итоге ее болтовня — которой оказалось более чем достаточно — позволила Джону влиться в круг присутствующих и даже распознать личности некоторых из них. Стоящие рядом трое высоких, крепко сложенных мужчин явно были родственниками. Джон с уверенностью мог утверждать, что перед ним его отец, дядя и старший кузен — Макс, Вэл и Эван Танбаллы. Их широкие славянские лица, обращенные к нему в профиль, говорили о несомненном преуспевании, уверенные взгляды светло-карих, почти желтых глаз излучали твердость и самодостаточность, а густые и непокор-

ные вьющиеся волосы позволяли предположить, что облысением в этой семье не страдали. Семья Танбалл... Его семья, которой он не знал до сегодняшнего вечера, даже если у них и был шанс встретиться раньше, на каком-нибудь другом званом ужине...

Рядом с ними стоял энергичный мужчина лет сорока, а его беременная жена примерно тех же лет смотрела на него с улыбкой — она-то не выглядела безголовой куклой!

Где же Джим и Милли Хантер? Они сказали, что обязательно будут! Разве можно появляться здесь позже его? Джону понадобился почти час, чтобы набраться храбрости и позвонить в дверь. Он ходил взад-перед перед домом, курил и даже отпрянул в тень, когда тот мужчина с беременной женой переходили дорогу, занятые разговором, напоминающим добродушное супружеское подтрунивание. Возможно, и не целый час, но полчаса — точно.

Снова раздался дребезжащий звон Пятой симфонии, миниатюрная служанка бросилась к двери, и вот они вошли — Милли и Джим Хантер. О, слава богу! Теперь Джон может встретиться с отцом, чувствуя за спиной поддержку Джима Хантера. Как сильно он жаждал этого воссоединения!

Макс Танбалл двинулся к нему, вытянув руки.

— Джон! — сказал он, взял правую руку сына в свои, улыбнулся, блеснув ровным рядом зубов, и наклонился, чтобы обнять его и поцеловать в щеку. — Джон! — Его желтоватые глаза наполнились слезами. — Господи Иисусе, как ты похож на Мартиту!

Когда волнение улеглось и Джон почувствовал, что может самостоятельно выбирать, с кем общаться, без опаски быть прерванным мачехой, он разыскал Джима

и Милли — свою спасительную гавань в этом беспокойном и незнакомом море.

— Я уж было собрался дать деру, когда вы все-таки пришли, — признался он, обращаясь скорее к Джиму, чем к Милли. — Вы не находите все здесь несколько странным?

— Три женщины, шесть мужчин, и все — в вечерних костюмах. Ты прав, здесь весьма странно, — ответил Джим, который, правда, не выглядел удивленным. — Хотя это типично для Давины. Она любит находиться в окружении мужчин.

— И почему я не удивлен? — Джон недовольно отставил свой бокал мартини.

— Вам не понравилось? — раздался голос у него из-за плеча.

Джон обернулся и увидел миниатюрную служанку.

— Я бы предпочел «Будвайзер».

— Я подам.

— И мне тоже! — выкрикнул Джим вслед удаляющейся прислуге. — Тебе уже удалось поговорить с отцом?

— Нет. Может, получится за столом. Выглядит так, словно его жена-пустышка не желает предоставить мне такой возможности.

— Что ж, она не сможет держать тебя на расстоянии вечно, тем более сейчас, когда ты в Холломене, — подбодрила его Милли. — Я знаю Вину недавно, но уже поняла, что она привыкла быть в центре внимания. Джим знает ее гораздо лучше меня.

— Спасибо, что приняли меня дома вчера, когда я приехал из Портленда, — сказал Джон. — Я едва мог дождаться встречи с вами.

— Поверить не могу, что Макс позволил тебе остановиться в отеле, — заметил Джим.

— Отец тут ни при чем. Я решил, что мне лучше иметь в распоряжении собственное пространство, ку-

да бы я мог при необходимости скрыться, и сейчас я рад своему решению. Пусть здесь и не Калифорния, и не Орегон.

— Эй, Калифорния была давным-давно, — довольно резко ответил Джим.

— Она в моем сердце, словно все было только вчера.

— Сейчас перед тобой более значимые вещи, Джон, — заметила Милли. — А самое важное — семья.

— С командующей мной чудовищной мачехой? Не хватает только безобразных сводных сестриц. Или на их месте должны быть сводные братья?

Милли хихикнула.

— Джон, я провела ту же аналогию, как только появилась Давина, но из тебя получилась бы негодная Золушка. В любом случае, у нас роли распределились совсем иначе. Ты — не обнищавшая заложница кухни, а миллионер, лесопромышленный воротила.

Когда Давина пригласила всех за обеденный стол впечатляющей ширины, Джон обнаружил, что его место рядом с Максом во главе стола, а сама мачеха оккупировала противоположный край. По левой стороне, если считать от Макса, она усадила Эвана Танбалла, Милли Хантер и доктора Ала Маркоффа. Справа от нее расположились Джим Хантер, беременная Муза Маркофф и Вэл Танбалл.

Наконец Джону выпал шанс поговорить с Максом, который, слегка повернувшись к нему, спросил:

— Ты хоть сколько-нибудь помнишь свою мать, Джон?

— Иногда я думаю, что да, сэр, но чаще прихожу к заключению, что все мои воспоминания — не более чем иллюзия, — ответил Джон. — Я вижу перед собой худую печальную женщину, которая большую часть времени

печатала на машинке. Со слов Уиндовера Холла, усыновившего меня, она была очень бедна и зарабатывала на жизнь, перепечатывая рукописные тексты по доллару за лист, без ошибок. Благодаря этому они и встретились. Кто-то рекомендовал ее для набора написанной им книги по лесопромышленности. И вскоре он взял ее и меня в свой красивый особняк на Голд-Бич в Орегоне. Она умерла шесть месяцев спустя. Это я *должен* помнить! Я точно был с ней, когда она умерла, я не мог отойти от тела. Прямо как собака. Ее тело пролежало там два дня, прежде чем Уиндовер нас обнаружил.

Макс моргнул, едва сдерживая слезы.

— Мой бедный мальчик!

— Теперь моя очередь спрашивать, — довольно резко ответил Джон. — Какой она была, моя мать?

Закрыв лаза, Макс слегка откинулся назад. Похоже, разговор о первой жене давался ему нелегко, словно прежде он старался вообще не вспоминать о ней.

— Мартита пребывала, как сейчас сказали бы врачи, в депрессии. Тогда, в тридцатых, они называли ее неврастеником. Тихая и замкнутая, она, однако, обладала душой столь же прекрасной, как и внешность. Моя семья ее не любила, особенно Эмили — жена Вэла, если ты еще не начал разбираться в новых родственниках. Я не осознавал, насколько сильно та притесняла Мартиту, пока твоя мать не ушла, прихватив тебя с собой. Стоял июнь тридцать седьмого, и тебе едва исполнился год. Конечно же, все выплыло наружу, когда я рыскал по всей стране в поисках вас двоих. Эм возвращала у Мартиты неуверенность в себе каждую минуту, стоило им остаться наедине, — так безжалостно и невероятно жестоко! Она убедила твою мать, что ее не любят и не хотят видеть. — Макс сжал губы. — Эмили наказали, но слишком поздно.

— Ее сегодня здесь нет. Она была отлучена от семьи? — неловко спросил Джон.

Макс издал короткий смешок.

— Нет! Так в большинстве семей не поступают, Джон. Мы все просто стали ее избегать, включая Вэла. Даже Эвана попросили ни в чем не принимать ее сторону — он так и сделал.

— Ее поэтому сейчас здесь нет?

— Не совсем так, — равнодушно ответил Макс. — Эм стала жить своей жизнью, что всех вполне устраивает.

— Ей ведь не понравилось мое появление? Она наверняка думает, будто я отберу часть наследства, на которое мог бы рассчитывать ее сын.

Макс с искренней любовью посмотрел на столь давно утраченные для него черты.

— Я никогда не смогу отблагодарить тебя в должной степени за это решение. Эван и так тяжело перенес потерю части наследства в пользу моего сына Алексиса, и потому твой отказ от своей доли неимоверно меня обрадовал.

— У меня столько денег, что жизни не хватит их потратить, — напомнил Джон, вглядываясь в черты отца. — Эван может расслабиться. Надеюсь, ты уже сказал ему об этом?

— Пока не было возможности, но обязательно скажу.

Кто-то постучал ложкой по пустому хрустальному бокалу — конечно же, Давина.

— Члены семьи и друзья, — начала она, четко выговаривая каждое слово, — мы собрались здесь, чтобы нарезать откормленного теленка в честь блудного сына моего любимого супруга, сына, потерянного более тридцати лет назад. А также в честь моего любимого Макса, которому три дня назад исполнилось шестьдесят лет. — Давина на миг замолчала, пробежавшись взглядом по

внимающим ей лицам. — Мы все знаем, почему здесь нет Эмили. Однако, дорогой Джон, отсутствие жены Эвана тоже стало для нас довольно привычным явлением — Лили говорит, что она стесняется оказаться в компании с незнакомыми людьми. Глупая девчонка!

Вздрогнув, Джон взглянул на Эвана, который уставился на свою молодую тетю в немой ярости, и Джон его прекрасно понимал. Как можно говорить такие ужасные вещи?! Макс действительно находится под каблуком у этой... нет, не пустоголовой куклы. Давина — гарпия, которая готова поглотить все.

— Тринадцатого октября, — продолжала она хорошо поставленным голосом, — я произвела на свет Алексиса, желанного сына, наследника, готового восполнить мужу утрату его любимого Джона. — Давина лучезарно улыбнулась мужу. — А после, всего месяца спустя, из Орегона нам позвонил Джон. Он выяснил, кто его семья, и захотел с ней воссоединиться. — Издав театральный вздох, она продолжила: — Естественно, Макс сначала сомневался в истории Джона, но после нескольких звонков и переданных юристами документов в душе у мужа затеплилась надежда. А уж когда появилось кольцо, сомнений ни у кого не осталось: Джон, блудный сын, вернулся. И теперь мы собрались, чтобы отпраздновать воссоединение Макса и Джона Танбаллов. Давайте же встанем и поднимем за это бокалы!

«Меня зовут Джон Холл, Давина, — подумал Джон, выслушав до конца эту лицемерную речь. — Не Джон Танбалл! Теперь я вынужден сидеть, пока остальные нас чествуют. Блудный сын, бог ты мой! Она никогда не сможет понять смысл притчи, эта восточноевропейская гарпия».

От стыда не смея взглянуть на остальных гостей, он пригляделся к миниатюрной женщине, уверенно

руководящей нанятой прислугой. Она была облачена в бесформенное серое платье, скрывающее не менее бесформенную фигуру. Джон никак не мог понять ее статус в этом доме. Блеклое невыразительное лицо, как и приплюснутый череп, казалось, говорили о недалеком уме, если бы не пронзительные маленькие глазки; а ее крошечные руки с короткими пальцами ловко вытирали капельки соуса или откладывали в сторону те блюда, которые нельзя было подавать. От некоторых слуг Джон услышал ее имя: Уда. После недолгого наблюдения он решил, что она является личной прислугой Давины, никак не относящейся к семейству Танбалл. Так кто же такая эта Давина Танбалл?

Еда была восхитительной. После иранской икры и различных закусок подали то, что Давина, согласно ее объяснению, сочла ближайшим аналогом откормленного теленка: поданная с тушеными овощами обжаренная молочная телятина, сочная и аппетитная, а на десерт принесли восхитительный торт. Джон ни в чем себе не отказывал, он не мог удержаться и не попробовать таких шикарных блюд.

Когда все поднялись из-за стола, Давина снова привлекла всеобщее внимание, еще раз постучав по хрустальному бокалу.

— Джентльмены приглашаются в кабинет на кофе, горячительные напитки и сигары! — воскликнула она. — Леди следуют в гостиную!

И только в холле, соединяющем обеденный зал и кабинет, Джону удалось перехватить Джима Хантера.

— Ты можешь в это поверить? — спросил Джон, отступая в сторону, чтобы пропустить мужчин, спешащих прочь от гарпии.

Джим закатил глаза, пугающе свергнув огромными белками, которые создавали резкий контраст с темным цветом его кожи.

— Типично для Давины, — сказал он. — Я довольно хорошо узнал эту семью за последнее время, пока работал с типографией над «Богом спирали». Сейчас у нас будет полно свободного времени, и я смогу все тебе рассказать.

— Когда я застал тебя дома вчера вечером, мы здорово посидели, вспоминая былое, — заметил Джон и с радостью посмотрел в лицо Джима. — Отлично выглядишь, Джим. Теперь в тебе ни за что не узнают того самого Гориллу Хантера.

— И это исключительно благодаря тебе. Я наконец смогу вернуть тебе деньги за операцию, дружище.

— Даже не пытайся! — Джон нахмурился. — Милли по-прежнему слишком худая.

— Она такая от природы, астеник*. — Большие зеленые глаза, столь неожиданные для чернокожего человека, заблестели от слез. — Господи, как здорово тебя снова видеть! Спустя шесть лет!

Джон крепко обнял его, и Джим обнял в ответ. Когда они отошли друг от друга, то увидели доктора Ала Маркофф, посматривающего на часы.

— Еще полчаса, — сказал доктор, — и я смогу схватить свою жену, чтобы отправиться домой. Давине сегодня было непросто. Давно утраченные сыновья, неожиданно возвращающиеся из леса, не для нее. Без обид, Джон, но твое лесопромышленное состояние так и напоминает мне эту сказку. — Он снова посмотрел на часы. — Неплохо, неплохо. Уже десять тридцать. Мы с Музой будем дрыхнуть, неподвижные, как полена, меньше чем через час. Не могу удержаться от шуток, Джон.

---

* Человек, для которого характерны высокий рост, худощавость, длинная шея, продольно вытянутый череп, узкое, резко очерченное лицо. — *Здесь и далее примеч. пер.*

...К удивлению Джона — хотя его эго при этом нисколько не пострадало, — Макс предложил Джиму Хантеру большое кресло с подголовником, обитое темно-красной кожей, которое было самым почетным местом в кабинете. Да и вся комната оказалась выдержанной в том же темно-красном цвете: от позолоченных кожаных переплетов книг и мебели и до оконных наличников.

Джон поставил стул почти напротив кресла, испытывая легкое любопытство по поводу неожиданной значительности Джима: все со временем выяснится, а времени у него теперь полно. Макс отошел поговорить с Эваном и Вэлом, которые уже раскурили по большой сигаре и теперь держали по бокалу с выдержанным коньяком. Танбаллы не отказывают себе в маленьких радостях, подумал Джон, и еще любят совещаться. Доктор поставил стул рядом с Джоном, и таким образом мужчины разделились на две компании.

— Вы семейный терапевт Танбаллов, Ал? — спросил Джон.

— Боже, нет! Я патологоанатом и специализируюсь на гематологии, — вежливо ответил доктор Маркофф, — что для вас такая же абракадабра, как для меня — дугласова пихта. А вот работу Джима по рибонуклеиновой кислоте я нахожу просто восхитительной.

— Это будет ваш с Музой первый ребенок?

Маркофф расхохотался.

— Хотелось бы! Нет, мои бездетные друзья, это — непредвиденный залет, случившийся в сорокалетнем возрасте. У нас уже есть двое мальчиков. Муза слишком рассеянна, чтобы вырастить гениев, и потому они — совершенно обычные подростки.

— Думаю, вы будете потрясающим многодетным отцом, — заметил Джон, наслаждаясь легким юмором этого мужчины, рассказывавшего о непредвиденной